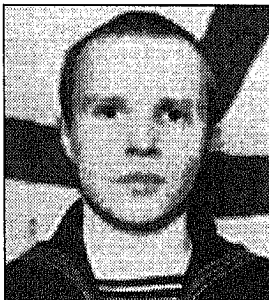

Экипаж

«Известия» продолжают рассказывать о моряках, погибших на «Курске».

В воскресенье в городе Котласе, что на юге Архангельской области, проводили в последний путь 19-летнего матроса **Алексея ШУЛЬГИНА**.

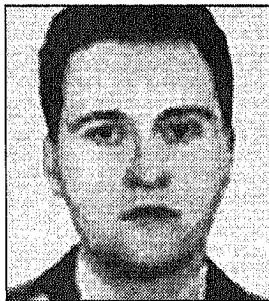
— Алеша был добрый парень, светлая душа, со всеми ладил, — рассказывала директор городского центра досуга «Спутник» Надежда Панфилова. — Учился на газоэлектросварщика в профтехучилище № 20. Я работала там мастером. Он часто шутил, смеялся, я даже прозвала его за веселый нрав «Хотунчиком».

Письма от Алексея приходили веселые: «Пишет вам доблестный подводник-североморец. Дела идут хорошо. Сейчас стою в наряде по секторному блоку. Нажимаю кнопочку, она означает, что все нормально».

В субботу в Калининграде прощались с командиром группы радиоразведки «Курска» старшим лейтенантом **Александром ГУДКОВЫМ**. Служба на подлодке была его заветной мечтой. В балтийском городе у него остались родители, сестра Татьяна и невеста Настя — они хотели расписаться в очередной отпуск.

— Был спокойным, рассудительным, скромным, — рассказал «Известиям» заместитель начальника третьего факультета по воспитательной работе Анатолий Митронов. — Закончил обычную школу, но в совершенстве знал английский и французский. Внес несколько положений в устав курса, так называемый кодекс чести морского офицера. Например: «Дал клятву — береги».

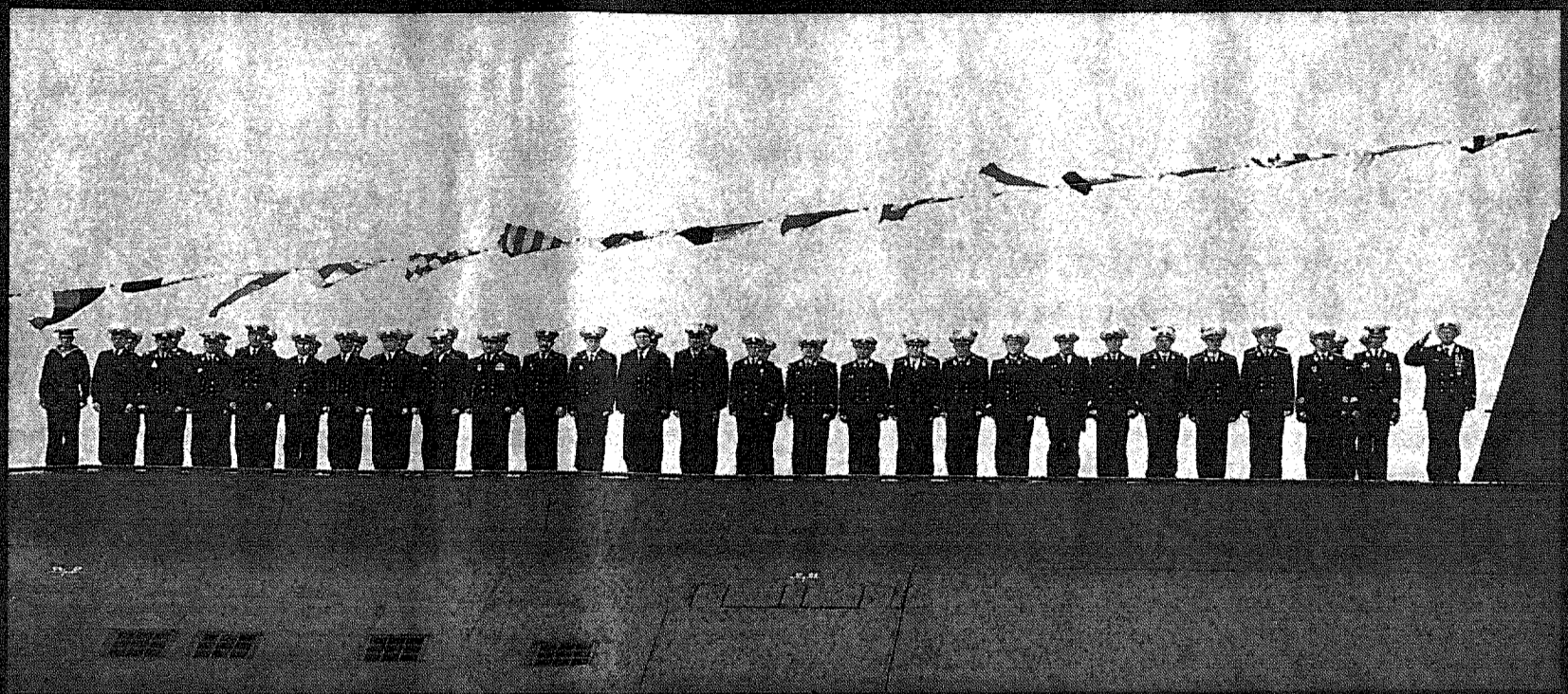
ЭКИПАЖ

Сегодня мы завершаем мемориальную акцию «Известий» очерком о тех, кто погиб 12 августа 2000 года в подводной лодке «Курск». У каждого из них — своя судьба. Но все они — члены Экипажа. А у Экипажа свой День рождения. Своя судьба. Свои привычки, традиции, психология, религия, болезни и радости. И свой День смерти.

Экипаж — как маленькая секта. Лодка — Бог, командир — медиум, подводники — узкий круг посвященных. Экипаж — это душа корабля, а металл — его тело.

Когда погиб «Курск», флотские командиры говорили: погиб лучший экипаж. Но оценки и баллы в табелях показывают только знания, умения, боевую готовность. Дух официально не оценишь.

Лодку подняли. Тела подводников продолжают извлекать. Экипаж не найдут никогда.

Второй ритуал происходит уже на берегу. Он не такой сложный.

— Заказываешь столовую, она в Видяеве единственная. Приглашаются все офицеры, но только без жен. Офицерам раздаешь пригласительные билеты, которые сам и пишешь. Все рассказывает за одним столом, ты представляешься: «Я, лейтенант такой-то, прошу принять меня в экипаж». Командир выдерживает паузу и задает только один вопрос: «Ну что, товарищи офицеры, какие будут предложения?» Те нехотя отвечают: «Принять его». И выпивают. С этой минуты тебя начинают называть по имени, здороваться и даже пожимать руку. Ты свой.

А потом очень медленно, так медленно, что никто и не замечает, как она появляется, приходит почти физиологическая любовь к кораблю.

— Сначала ты по лодке бжудашь. Со временем начинаешь потихоньку понимать, как тут все работает. А когда сходишь на корабле в море и вернешься домой, начинаешь чувствовать: это не просто железо. И наконец однажды ты лопнешь себя на мысли, что испытываешь к своему кораблю чересчур сильные чувства. Я это первый раз почувствовал, когда кто-то из наших, проходя мимо рубки, поглядел ладонью то место, где нарисован герб, и сказал, словно любимой лошадке: «Кормилица ты моя».

Цепная реакция

Во время траурной церемонии в Североморске к родителям Дмитрия Колесникова подошла вдова мичмана Ишмуралова. Говорит: «Мой муж остался служить на «Курск» только потому, что Дмитрий заключил новый контракт. Он очень уважал вашего сына».

Роман Дмитриевич с Ириной Иннокентьевной знали, что сын сам пролил контракт за месяц до аварии, после того как пролил контракт командир экипажа. И многие другие тоже остались на корабле из-за Лячина. А когда родители погибших съехались в Видяев, оказалось, что очень многие погибшие подводники, почти весь экипаж, из семей морских офицеров.

— Это как раз неувидительно, — говорит Роман Дмитриевич, сам капитан 1 ранга, бывший подводник. — Просто так, из воздуха, любовь к морю ни у кого не появится. И ничем другим я не могу объяснить: почему эти молодые, умные парни служили на разваливающемся флоте за эти гроши. Еще в 98-м году я Миге говорил: «Давай переводись в Питер. Что у тебя, дома, что ли, здесь нет?» И тогда он сказал фразу, которую я всю жизнь буду помнить: «Пап, ты что, разре-

шил мне уйти с плавающей лодки?»

«Барон» и «Батя»

Командиров у них было два. Первый, Виктор Рожков, формировал экипаж Курска в 91-м году. Второй, Геннадий Лячин, сменил его в 97-м. Первый оставил второму один из лучших экипажей флота.

— С командирами нам повезло, — говорит Василий Быков. — Я просто скажу, как мы их в своем кругу называли, и ты все поймешь. Первого, Виктора Николаевича, мы звали «Барон». Он из штурманов, белая кость. Бароном прозвали потому, что он требовал от личного состава уважения ко всему, что касается чести морского офицера. От формы одежды: все с иголочки, наглажены-начищены, от правильного поведения за столом — этому он многих лично обучал — и до уважительного обращения с дамами. Он воспитывал гордость за корабль, поэтому «Курск» всегда блеснул чистотой. Еще Виктор Николаевич требовал абсолютного соблюдения всех пунктов Военно-морского церемониала — есть такой документ. При этом он постоянно ссылался на историю Императорского Российского флота. «На корабль перед отплытием заходил в последний момент, когда трап уже убирала, и убывал с корабля последним, когда был лично уверен, что все на «Курск» «по-береговому». Любил быстроту маневра, решительность и доведение поставленной задачи в море до выполнения. А когда мы отравлялись всплытие, то, что называется «прыжком косатки», он складывал деферент до 10 градусов. Это много — лодка почти все выпрыгивала из воды. А Геннадий Петрович Лячина все звали «Батя». Этим все сказано. Он был поспокойнее. На «прыжке» давал деферент всего 3 градуса. И любил повторять: «Так надежней будет».

Они были разные люди, но в одном одинаковы: экипаж за ними был как за каменной стеной.

— С одной стороны, Геннадий Петрович, конечно, повезло, Виктор Николаевич оставил ему полностью сработанный экипаж. — Вася Быков так и говорит: «Геннадий Петрович» и «Виктор Николаевич», а не «Лячин» и «Рожков». — Но с другой стороны, он не с неба свалился. Многие из нас его лично знали.

Большой круг

Их отношение к службе, их брасты, традиции, ритуалы и та фантастическая любовь к кораблю заставляли десятилетия назад первыми командиров «Курска» Виктором Рожковым. Сейчас он живет в Москве, работает в крупной компании. От него не ждешь вы-

ражений вроде: «Курск» был делом моей жизни». Но он именно так и сказал:

— Понимаете, в чем дело: «Курск» был делом моей жизни. Перед тем как меня назначили командиром, в марте 91-го, я долгие годы сопротивлялся. К тому моменту я уже четыре года как был командиром другой атомной крейсерской подводной лодки — К-458. У меня был свой отработанный, отплаванный и надежный экипаж. Я заочно заканчивал академию и хотел уже перебраться в Москву. Но командование решило иначе. Меня звали в эскадру и сказали: будьешь командиром «Курска». Кстати, тогда этого названия еще не было. И вот на дворе 91-й год, народ почувствовал новые веяния, потянулся на гражданку, а я — пока единственный член экипажа. И мне надо формировать команду.

Мало кто из офицеров хотел тогда идти в новый экипаж, на так называемый «большой круг».

● Матрос-торпедист Максим БОРЖОВ:
«Дорогие мама и папа, я горжусь тем, что стал настоящим моряком. Я счастлив, что попал на такой корабль, — это самый лучший корабль на флоте, и у нас самый лучший командир в мире. Мне здесь очень нравится. Порадуйтесь и вы за меня... Мы здесь как младшие братья. Командир Лячин называет нас по имени и на «вы»».

● Капитан-лейтенант Сергей ЛОГИНОВ:
«Здравствуй, дорогая моя Наташенька! Пишу тебе, находясь в море, на своем горячо любимом АПРК «Курск». Роднее этого крейсера у меня в Видяеве никого, к огромному сожалению, нет. Есть еще моя одноклассница конура, которая предоставляет мне ночлег, а если очень повезет, еще и накормит».

● Главный старшина Ришат ЗУБАЙДУЛЛИН:
«Мама! Мне нравится на «Курск», я буду служить до пенсии. Ничего я не боюсь на этой лодке. Только пожара...»

Из писем подводников с «Курска»

В Видяеве — насыщенный быт, жены, дети, квартиры. А чтобы попасть на «Курск», надо все бросить, поехать на год, а то и на два в Обнинск, в учебный центр ВМФ. Жить там с семьей в общежитии, потом перебраться на завод в Северодвинск, достраивать лодку. Вся эпопея — на три-четыре года.

— На формирование экипажа мне дали полтора месяца. Конечно, первым делом я обратился к тем, с кем плавал на К-458. Удивительно, но мои люди за мной пошли. Мурат Байгалин, который погиб на «Курске», был одним из них. Так сформировался костяк экипажа. А потом я уже начал ходить и поодиночке вербовать остальных.

Желающих было мало, но он все равно тщательно отбирал людей.

— Первым делом я с человеком обстоятельно беседовал. И мне не важно было, какой он специалист. Ну что знает этот лейтенант после училища? Мне нужно было понять, что он за человек. Мы не гражданские, мы военные люди. От быстроты действий, выполнения приказов и команд командира в море зависит жизнь экипажа и корабля. Это я на своей шкуре испытал, потому что к тому времени уже и не горел, и тонул: всякое было. На борту не нужны рассуждения, это на берегу можно подискутировать. И один из критериев отбора людей у меня был такой: я показываю на белое и говорю: черное. Офицер должен со мной согласиться и сказать: да, черное. И не думать при этом ни о чем! Потому что я один несу ответственность за всех и все. Многих это устраивало, они сформировались, проблем у меня с экипажем не было.

Потом был такой эпизод. Экипаж вернулся из Обнинска в Видяеве и собрался отгулять полуженные два месяца отпуска. Рожков вызвал начальника штаба дивизии и заявил: в отпуск экипаж пойдет только на месяц. Командир ответил: положено два. Ему возразили: мы понимаем, что положено два, но даем только один.

На следующий день, после общего построения, все экипажи разошлись, а «курские» остались стоять. Рожков подошел к начальнику штаба, доложил: «Экипаж хочет с вами побеседовать». Тот отвернулся и ушел. А экипаж продолжал стоять. Пять минут, пятнадцать, тридцать. В итоге они своего добились. Начштаба все-таки вышел к ним и сказал: «Делайте что хотите». Подводники уехали на два месяца, а Рожков, в воспитательных целях, отпуск сократил на 15 суток.

Автономка

Пик славы «Курска» пришелся на 99-й год. Тогда эта лодка во время бомбежек Югославии бороздила Средиземное море под носом у американских авианосцев. Это был единственный знак устрашения, который Россия в то время смогла подать. Но шум был большой.

В эту автономку рвался весь экипаж. Два офицера, у которых хромала репутация по части алкоголя, даже специально бросили пить. Лячин их предупредил: замечать, на борт не возмущу.

Василий Быков может рассказывать о том походе часами: — В Средиземном море все, конечно, хотелось всплыть. Даже командир, бывало, скажет: «Сейчас бы выйти, испускаться!» Лето. На глубине 50 метров температура воды — плюс 20 градусов! Однажды всплыли под перископ. А к перископу командир никого не подпускал. Геннадий Петрович в него посмотрел, перевел взгляд на тех, кто был в центральном посту, и говорит: «Хотите на солнышко посмотреть?» Все, конечно, ринулись к перископу, глянуть-то хочется. А командир поднес к окулярам руку и нам солнечный зайчик на своей ладони показывает.

Сейчас как подумаешь — ведь 78 дней в трубе в этой безвылазно просидели. А ведь эти 78 дней — самые светлые за те пять лет, что я прослужил на корабле.

На «Курске» бывала такая поговорка: «Любовь к морю воспитывается невыносимыми условиями службы на берегу».

— В море жизнь другая, — объяснял Вася. — Во-первых, отпадает вся видяевская бытовуха. Там же иногда проснешься, выйдешь на кухню, в чайнике — лед. А на корабле у тебя все работает, все отлажено, отдраено до блеска. И самое главное, ты чувствуешь, что наконец-то настоящим делом занят. Никаких проверок, инспекций, смотров. А вокруг — все свои, родной экипаж. Я разницу почувствовал, когда меня прикомандировали на несколько дней к другой лодке, «Воронежу». «Воронеж» предстал выход на учения. И вот я иду по отсеку, а вокруг знакомые лица. Мне вдруг по-настоящему страшно стало. Как же в море идти, если не знаешь даже как людей зовут?

Во время автономки на «Курске» работало свое, внутреннее телевидение.

— В Средиземном море мы включали на все экраны трансляцию с камеры, которая установлена на носу лодки и смотрит вверх. И все пилились в экраны: там бирюзовая вода, лучи солнца, и рыбки, размером с руку, плавают прямо над нами.

А по внутреннему радио иногда зачитывали выдержки из вехтенного журнала. Олну фразу Вася Быков запомнил наизусть: «За какойто командира является матрос Захаров и куча бумажек».

— Тула шла, все было спокойное. А как в Средиземке оказалось, так началось. Самолеты над нами кружат. Корабль надводный подбегал. Но наше командование только того и хотело. Нам специально отвели маленький райончик, в нем и крутились. А перед уходом мы специально себя обнаруживали, чтобы шухер навести.

Когда «Курск» вернулся в Видяеве, Лячина представили к званию Героя России. Весь экипаж ходил гордый: ни у кого нет командира Героя, а у них будет. Лячин ездил в Москву, встречался с Путиным, а потом повисла пауза. И подводники затаяли обиду на столицу. Никто об этом особо не говорил, но в разговорах на кухне прощальщывало.

«Курские» радости

Была на «Курске» такая традиция. Командиры отсеков и боевых частей писали письма родителям своих матросов. И Лячин тоже писал.

— У него был такой воспитательный прием, — говорит Василий Быков. — Похвалит матроса в письме домой — матрос гордый

ходит. А бывает, захандрит матросик, как дитя малое, начинает капризничать: «не хочу, не буду». В море это опасная вещь. Тогда командир пишет в письме: мол, товарищи родители, какого вы сына Родине воспитали? Матросу об этом кто-нибудь по секрету расскажет, и он уже шелковый. Ходит за командиром, за штанину хватает и кланяет: «Товарищ командир, не отправляйте письмо». В итоге письмо ему и отдавали.

Во время плаваний, если выпадало время, на «Курске» устраивали разные телешоу. Вроде «Поля чудес» или «Счастливого случая». Сами придумывали вопросы, сами играли, сами снимали на камеру и транслировали на весь корабль. Эту игру я видел в записи дома у родителей Дмитрия Колесникова. Все как в настоящем телевизоре. Ведущий, команды и вопросы — последнее, чем в «Что? Где? Когда?».

— Игроки менялись, но сражались по сути две команды, люксы и механики. Механики — это понятно кто. А люксы, — объяснял Вася Быков, — штурманы, ракетчики, связисты, акустики. Все, кто карандашом и ручкой работает. У нас на «Курске» между люксами и механиками все время существовало негласное соперничество. Кто на лодке главный. Кто важнее. Это похоже на спор: что первое — яйцо или курица. И вот люксы с механиками выясняли отношения: кто кого? Чаще побеждали механики...

Общих, экипажных праздников у них было два. Первый — день рождения экипажа, то есть дата подписания приказа о его формировании — 18 марта. Второй — день рождения корабля, первое поднятие флага — 20 января. Их отмечали грандиозными мероприятиями с женами и детьми. А дни рождения подводников, если они случались в море, праздновались с особым шиком.

— Этими торжествами заведовали наш кон Анатолий Беляев и заместитель командира по личному составу Александр Шубин. У Шубина был список дней рождения и перед каждым выходом в море он смотрел: у кого когда. Шел к женам будущих именинников, те передавали ему подарочки. Он их где-то у себя прятал. И вот, по громкой связи тебя вызвали в центральный пост. Идешь через весь корабль, тебя все поздравляют. Приходишь. Командир вручает награжденный лист: там указана дата, долгота-широта, и стоит печать корабля. Но самое главное — тебе вручают подарок от родных. Представь: автономка. Средиземное море. А тут тебе — такой сюрприз. Здоровые мужики разворачивали листочки, которые им дети писали, до слез доходило. А потом наш кок обязателен что-нибудь этакое приготовит. Он вообще был золотой человек. На баяне играл, на всех видяевских свадьбах таматил. А говорил — мясо в вине замачивал! Иной раз солоник закончится, он придет к своему начальству, стукнет кулаком по столу: выдайте соль — или не буду личный состав кормить. И выбивал ведь.

«С ним надо проститься по-человечески»

Мы уже почти прощались с Виктором Рожковым в его офисе в центре Москвы, когда он сказал:

— Сейчас все звонят президенту и посылают по Интернету вопросы. Я тоже собираюсь отправить письмо. Хочу попросить о том, чтобы нам всем, тем, кто служил на «Курске» и остался жив, позволили отдать кораблю последние почести. В Российском Императорском флоте была такая традиция — прощание с кораблем. Мы выполнили долг перед погибшими подводниками. А крейсер остается в доке, засыпанный снегом. Он же погиб при выполнении задач своего предназначения. И Военно-морской флаг с него не спущен.

Я спросил, как эта процедура может выглядеть.

— Такие церемонии у нас не было. Но это надо сделать торжественно, с построением самого первого экипажа. Корабль — это ведь живой организм. И с ним тоже надо проститься — по-человечески.

Сначала мне показалось, что это уж чересчур. Все-таки сейчас «Курск» — всего лишь груды искореженного железа.

А потом я вспомнил отца Дмитрия Колесникова. Как он усадил меня перед телевизором и сказал жене:

— Пусть сначала посмотрит. Может, поймет...

Григорий ПУНАНОВ